

УДК 321.022

В.Ю. Рубцова

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ПРАКТИКЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Представлена история понятий «политика памяти» и «историческая политика». Политика памяти преследует цель формирования коллективной идентичности, целью исторической политики является легитимация существующей власти. Политика памяти объединяет обе категории и понимается как рациональное действие института власти в истории. Понятие рассматривается, с одной стороны, как процесс манипулирования общественным мнением, осуществляющийся в целях легитимации существующей власти, и, с другой стороны, как профессиональное исследование, выполненное историками.

Показаны различия между историей и памятью, сформулированные в теориях М. Хальбвакса, П. Нора, А. Ассман. Память – картина сходств, история – картина изменений. Предложен вторичный анализ данных исследований в области политики памяти, приведены результаты социологических исследований автора.

Ключевые слова: политика памяти, историческая политика, локальная идентичность, социальная память, идеология, коллективная память.

Введение

Историческая политика как рациональное действие в сфере истории появилась в Германии в 80-х гг. и была связана с переосмыслением нацистского прошлого и политизацией истории. Далее идея получила свое развитие в Польше в 1998 г., когда был создан Институт национальной памяти, а затем в 2000-х такой институт был создан на Украине как подразделение Службы государственной безопасности. В конце 80-х – начале 90-х в России появились общество «Мемориал» и издательство «Новое литературное обозрение», в 2005 г. было создано издательство политической литературы «Европа», с 2008 г. начал свою работу фонд «Историческая память» Александра Дюкова. Вышеперечисленные организации – это агенты политики памяти, которыми могут быть в том числе негосударственные агенты, экспертные сообщества.

Понятие «политика памяти» имеет смысл применять к тем обществам, в которых есть плюрализм мнений, в иных случаях его использование нецелесообразно, так как при существовании идеологической монополии в политике в сфере истории нет необходимости. То есть политика памяти существует, пока существует конкуренция между агентами политики памяти.

Далее политика памяти будет рассмотрена не только как процесс манипулирования общественным мнением, но и как профессиональное исследование, выполненное историками. Необходимо теоретическое осмысление понятий «политика памяти» и «историческая политика» через соотнесение данных понятий с «коллективной памятью» М. Хальбвакса, «памятью политического коллектива» А. Ассман, «историей» и «памятью» П. Нора.

Теоретические основания

Понятие «политики памяти» представляет собой, с одной стороны, сужение взгляда на исторические события для использования коллективной памяти в целях манипулирования общественным мнением. «Сужение» проявляется в формировании исторического ориентира, на котором строится идеология. Это может быть историческая фигура или определенный момент в истории. Но этот ориентир не выбирается произвольно, существуют критерии, которым он должен отвечать: узнаваемость, известность массовой публике из разных источников получения информации; позитивный характер представления мы-группы, например, героическое прошлое; ориентир не должен быть настолько неоднозначным, что допускало бы возможность диаметрально противоположной трактовки.

Процесс формирования идеологии описан А. Ассман и представлен в последовательности конструирования памяти политического коллектива, которая выражена в следующих составляющих: сбор представлений о прошлом, интерпретация, воспроизводство представлений о прошлом [1. С. 22]. Интерпретация осуществляется социальным институтом государства, кроме того не все представления о прошлом воспроизводятся, и это создает условия для манипулирования обществен-

ным мнением, представления на этапе «сбора» не совпадают с представлениями на этапе «воспроизводства». С точки зрения рассмотренного выше случая, история – это проекция будущего, того, каким его хочется видеть, в прошлое, а не только актуализация прошлого в настоящем. Память политического коллектива основана на соглашении между людьми о том, что было в прошлом, это сконструированный архив образов, к которому можно обратиться.

Политическое манипулирование историей основано на определенном идеологическом обеспечении. По мнению А. Миллера, в странах Восточной Европы сложились одинаковые черты данного процесса. История и память рассматриваются как арена политической борьбы с внешним и внутренним врагом. Наряду с этим происходит бездоказательное декларирование всеобщности манипулирования, и сам факт декларирования словно освобождает от обоснованности манипуляций в сфере истории, провозглашая их неизбежность. Также арена политической борьбы переносится на противостояние в сообществе историков, где объект дискуссии оказывается подменен субъектом принадлежности, вследствие чего происходит не столкновение взглядов на историю, а столкновение интересов субъектов, которым историки «принадлежат». Еще одним основанием исторической политики является обращение внимания на «плачевное состояние патриотизма и преподавания истории в школе», в предельной точке которого история как дисциплина превращается в транслируемую через институты образования коллективную память [8. С. 19-23].

Выше были рассмотрены основания проведения исторической политики, далее обратимся к методам, с помощью которых она проводится. А. Миллер выделяет пять групп методов исторической политики [8. С. 17-19]. Это создание социальных институтов для обеспечения популяризации определенной трактовки прошлого, выгодного той или иной социальной группе, обладающей властью; политическое вмешательство в деятельность средств массовой информации; манипуляция архивами; разработка и использование новых мер контроля над деятельностью историков; политическое вмешательство в содержание учебников и программ преподавания. Данные методы применимы в рамках той трактовки «политики памяти», которая связана с манипулированием.

Остановимся подробнее на различиях между понятиями истории и памяти, которые показаны О. Малиновой. Она выделяет две формы присутствия прошлого в настоящем: историю, которая представляет собой критическую реконструкцию прошлого, являющуюся результатом профессиональных исследований историков, и коллективную память – разделяемые представления индивидов о прошлом [6. С. 368]. Именно на коллективной памяти строится социальная идентичность.

Данное разделение было также отмечено М. Хальбваксом, П. Нора и А. Ассман. Несмотря на сходства истории и коллективной памяти М. Хальбвакс отмечает, что история – это картина изменений, а коллективная память – картина сходств [16. С. 8]. Это связано с тем, что история и коллективная память обращают внимание на разные свойства одного объекта, поскольку цель коллективной памяти – сохранение идентичности, а цель истории – фиксирование изменений. Под идентичностью понимается чувство принадлежности к мы-группе, благодаря которому происходит отождествление с ценностями и нормами этой группы. Подобным образом индивидуальная память обеспечивает идентичность личности. Рассмотрение коллективной памяти как картины сходств еще раз подтверждает критерии исторического ориентира, выбираемого для формирования политики памяти.

Память – это переживаемая связь с вечным настоящим, для которой характерно «повторение» прошлого как демонстрация идентичности, история – репрезентация прошлого, происходящая в процессе его повторной актуализации. Память всегда актуальна, и эта актуальность может быть обусловлена использованием средств исторической политики, история предполагает реконструкцию того, чего уже нет. При этом «реконструкция» и «репрезентация» неизбежно упускают первоначальное значение прошлого, оно оказывается подвержено мифологизации. Однако отличие данных процессов состоит в стремлении к объективности получаемых данных, в случае «истории» – это проекция прошлого в настоящее, в то время как конструируемая коллективная память основана на проекции планируемого будущего в настоящее.

Рассмотрим политику памяти с точки зрения истории. С этого ракурса, «политика памяти» – профессиональное исследование, результатом которого является воспроизводство представлений о прошлом, институт государства в данном случае отвечает только за этап воспроизводства, в том числе делегируя его другим социальным институтам, интерпретация же остается за институтом науки. Если первая трактовка политики памяти делает акцент на «политике», вторая – на «памяти», противопоставляя ее забвению.

Историк должен быть свободен в своей интеллектуальной и научной деятельности. Выше были отмечены случаи, когда в сообществе историков появляется противостояние, основанное не на поиске истины, а на отстаивании интересов сторон, финансирующих исследования историков. В данном случае это конструируемый плюрализм, который не является следствием критической гражданской позиции и призван не столько приблизиться к объективному отражению событий, сколько показать, что противостояние существует.

Когда мы говорим о памяти как об антониме забвения, стоит обратить внимание на трагические события прошлого, которые носят травматический характер. А. Ассман отмечает, что должно пройти от 15 до 35 лет, прежде чем об этих событиях станут говорить, и они окажутся включены в социальную память [1. С. 42]. Такие события интересны с точки зрения профессионального исторического исследования, но не представляют интереса как основание для манипулирования, ведь, как уже упоминалось выше, одним из критериев отбора ориентира для проведения политики памяти как манипуляции в сфере истории является позитивный образ мы-группы, который в случае с травматическими событиями недостижим.

Методы исследования

Для определения роли политики памяти в практике конструирования локальной идентичности был выполнен вторичный анализ исследования О. Малиновой Всероссийского социологического исследования прошлого «Какое прошлое нужно будущему России?», проведенный группой исследователей по заказу Вольного исторического сообщества.

Также было проведено количественное исследование в форме опроса «Структура городской идентичности молодежи». Объект исследования: жители Ижевска 16–35 лет. Предмет исследования: городская идентичность молодежи Ижевска. Метод сбора первичной информации: интернет-опрос, анкетирование на платформе Google forms. Тип выборки: стихийная. Объем выборки: 400 человек. Доверительная вероятность: 95 %. Доверительный интервал: 4,9 %. Сроки проведения исследования: 11.01.16 – 01.03.16.

Качественное исследование в форме полуструктурированного фотоинтервью «Социальные практики жителей Ижевска в отношении памятников» выполнено в 2017 г.

Результаты исследования

Политика памяти, так или иначе, откликается на политическую реальность. Государство поддерживает интерпретации социальной реальности, отвечающие интересам правящей элиты. Однако даже таким образом проводимая политика памяти создает пространство для других интерпретаций. Историческая политика является частью символической политики, которая представляет собой, по П. Бурдьё в прочтении О. Малиновой, «деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [7. С. 28]. Доминирующие способы являются доминирующими, но не единственными.

Если мы вернемся к методам исторической политики, то интересным является тот факт, что для легитимации действующей власти используются не только подконтрольные агенты памяти, но и сами выступления политиков, в том числе ежегодные послания президента, исследование которых было проведено О. Малиновой методами контент-анализа и дискурс-анализа [6. С. 368]. Были выделены следующие категории: прошлое как пример, которому нужно следовать; прошлое как фон, оттеняющий достижения настоящего; преемственность прошлого и настоящего.

В результате исследования оказалось, что внимание уделяется репрезентациям новейшей истории, объектом критики выступают конкретные события истории, тогда как положительные моменты в истории носят обобщенный характер. Политическая реальность «размытых ориентиров» сформирована в условиях существующих коллективных представлений о прошлом, «героическая» составляющая которого носит общемировую значимость, отмечается недостаток локальных событий, которые могут послужить ориентиром для исторической политики. Однако политика памяти опирается на существующие представления и не стремится их менять, не расширяет репертуар событий прошлого, на которые можно опираться. Коллективная память воспроизводит себя, то есть функциональная память остается функциональной в терминологии А. Ассман, накопительная память не используется.

Функциональная память испытывает «дефицит места», так как вся информация не может транслироваться СМИ, учреждениями культуры и образования. Но именно воспроизведение информации формирует представления общества о самом себе. Это приводит к тому, что на основе представлений об обществе данная информация постоянно актуализируется, медиаторы получают новые прочтения, и функциональная память остается функциональной, а накопительная – накопительной. Тем не менее А.Ассман отмечает, что процесс перехода функциональной памяти в накопительную, и наоборот, возможен и связан с интересом и восприятием «получателей» информации [1. С. 55].

В исследовании «Какое прошлое нужно будущему России?», проведенному по заказу Вольного исторического общества при поддержке комитета гражданских инициатив под руководством Г.Б. Юдина (кандидат философских наук, НИУ ВШЭ/МВШСЭН), рассматривается два вида памяти: первая память – это государственная память, героизированная версия государственного прошлого, внедряемая государственной политикой через медиа и официальные праздники; вторая память – совокупность новых форм памяти, соединяющих индивида с более широким сообществом памяти через историю семьи, города, края («локальная» память) [18. С. 42]. О политике памяти можно говорить в первом случае, когда осуществляется вертикальная координация институтом государства других социальных институтов, во втором случае память формируется горизонтально, без участия государства. Таким образом, «локальная память», а вместе с ней и локальная идентичность, формируются «снизу».

По результатам исследования «Структура городской идентичности молодежи», проведенного в г. Ижевске в 2016 г., у молодых людей в возрасте 16–35 лет сформировано «чувство принадлежности» к месту, основанное на «известных людях» прошлого (М.Т. Калашников, А.Ф. Дерябин) и настоящего (И. Черезов, Г. Кулакова, М.Т. Калашников), «бренде» города (Ижевск – город оружейников) [12. С. 51]. Чувство гордости по отношению к городу преобладает над чувством стыда. Основной проблемой локального уровня является то, что городская идентичность остается высокой на уровне представлений, однако на уровне действий (включенность в городские сообщества) менее выражена. Если использовать категории, выделенные О. Малиновой, то можно отметить присутствие прошлого как примера, которому нужно следовать (оружейное производство), и преемственность прошлого и настоящего, связанную с фигурой М.Т. Калашникова.

В результате исследования «Социальные практики жителей Ижевска в отношении памятников» [13. С. 61] было определено, что информация, которая актуализируется при взаимодействии с памятником, связана не только с временным периодом, который отображен в памятнике, но и с временным периодом, в который выполнена установка памятника, и временным периодом существования памятника в городской среде. В первом случае памятник является медиатором социальной памяти, во втором и третьем – медиатором индивидуальной памяти горожан, памятник становится системой координат, на которую опирается индивидуальная память. Также в ходе исследования было выявлено, что для социальных практик «доминирующих» памятников характерны массовость, торжественность, «гражданский пафос». Данные сооружения они выполняются «на показ»: снимаются на видео, фото, транслируются в СМИ, это парады, возложение цветов, венков, митинги. Кроме того, у «доминирующих» памятников выполняются «фоновые» практики, такие как «назначение встречи», «прогулка с детьми», «развлекательные практики», «перформансы», некоторые из них диссонируют с первичной функцией памятника. Социальные практики «доминируемых» памятников – это «памятование», «паломничество».

Разделение памятников на «доминирующие» и «доминируемые», основанное на понятиях «доминирующих» и «доминируемых» мест памяти П. Нора, повторяет деление на «государственную память» и «локальную память», данное в исследовании «Какое прошлое нужно будущему России?». В первом случае происходит репрезентация политической реальности, во втором – репрезентация прошлого опирается на материальные артефакты.

Обсуждение

Как уже было отмечено выше, легитимация власти может быть основана на следующих вариантах представления прошлого: прошлое как пример, которому нужно следовать, прошлое как фон, оттеняющий достижения настоящего. Проблема существующего исторического ориентира в том, что он носит обобщенный характер, не является конкретным фактом в истории, превращается в моральную категорию. Такая версия исторического ориентира транслируется через государственные праздники, закрепляя функциональную память в качестве функциональной.

На локальном уровне существует преемственность прошлого и настоящего, рассмотрение прошлого как исторического ориентира. Однако стоит обратить внимание на отсутствующий вариант представления прошлого – прошлое как фон, оттеняющий достижения настоящего. Коллективная память, в отличие от истории, обращает свое внимание на сходства, и именно на коллективной памяти строится идентичность. Можно говорить о том, что политика памяти нацелена не только на легитимацию существующей власти, но и на создание коллективной идентичности. За счет того, что накопительная память не используется, коллективная идентичность строится на репрезентации настоящего, на той функциональной памяти, которая актуализируется постоянно.

Обращение к накопительной памяти происходит не вследствие проводимой политики памяти, а благодаря интересу «снизу», сформированному локально.

Выводы

Понятия «политика памяти» и «историческая политика» в некоторых источниках отождествляются, различие состоит в том, что «историческая политика» используется для легитимации существующей власти, а «политика памяти» – для формирования коллективной идентичности. Внимание обращается на то, что история – «картина изменений», память – «картина сходств». В данной работе политика памяти понимается как более широкое понятие, объединяющее две категории, и означает рациональное действие института власти в сфере истории.

«Локальная память» – это часть накопительной памяти, которая становится функциональной, оказывая влияние на коллективные представления о прошлом. Перспективы использования локальной памяти в «политике памяти» состоят в преодолении разрыва между государственной памятью и локальной памятью.

Локальная память является ресурсом необходимого «героического» прошлого, на которое можно опираться. В существующей исторической политике не уделяется внимания локальной идентичности, даже на уровне «страновой» идентичности – выше было отмечено, что за ориентир принимаются исключительно события, обладающие общемировой значимостью. Следствием этого является слабое чувство принадлежности к месту проживания – городу/региону/стране. Кроме того, остаются невостребованными исследовательские возможности сообщества историков, способного к детальному анализу травматических событий прошлого и последующему их включению в функциональную память.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. Горин Д.Г. Политика памяти в условиях социально-политической трансформации: особенности России // Среднерусский вестник общественных наук. Политология: актуальные аспекты, 2012. № 2. С. 98-104.
3. Илизаров Б.С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (в свете представлений о социальной памяти) // Вопр. философии. 1985. № 8. С. 67.
4. Кирчанов М.В. Приручение прошлого: историческая политика и политика памяти (европейский историографический опыт и латиноамериканские контексты) // Политические изменения в Латинской Америке. Научный журнал. 2016. № 3 (21). С. 73-86.
5. Малинова О.Ю. Использование прошлого в российской официальной исторической политике (на примере анализа ежегодных президентских посланий) // Историческая политика в XXI веке: сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 368-389.
6. Малинова О.Ю. Конструирование макроскопической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза. 2010. Т. 6, № 1. С. 5-28.
7. Миллер А. Историческая политика в восточной Европе начала XXI в. Историческая политика в XXI веке: сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7-32.
8. Миллер А. Историческая политика в России: новый поворот? Историческая политика в XXI веке: сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 328-367.
9. Миллер А. Роль экспертных сообществ в политике памяти. М.: Политика. № 4 (71), 2013. С. 114-126.
10. Нора П. Всемирное торжество памяти. Неприкосновенный запас. Екатеринбург, 2005. № 2-3.
11. Рубцова В.Ю., Сполохова М.Н., Поварнищина Ю.П., Королева А.А. Структура городской идентичности молодежи г. Ижевска: отчет по результатам социологического исследования. 2016. 140 с.
12. Рубцова В.Ю. Памятник как объект городского пространства и медиатор социальной памяти. 2017. 121 с.

13. Русаков В.Н. Дискурсы идентичности и политики памяти как инструменты softpower. Soft power: теория, ресурсы, дискурс (под ред. О. Ф. Русаковой). Екатеринбург: Изд. дом «Дискурс-Пи», 2015. 376 с.
14. Сыров В.Н., Головашина О.В., Линченко А.А. Политика памяти в свете теоретико-методологической рефлексии: опыт зарубежных исследований. Вестн. Томского гос. ун-та. 2016. № 407. С. 135-143.
15. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. Екатеринбург, 2005. № 2/3.
16. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
17. Юдин Г.Б., Хлевнюк Д.О., Максимова А.С. Фархатдинов Н.Г., Рожанский М.Я. Васильева Е.Ю. Какое прошлое нужно будущему России? Аналитический отчет по социологическому исследованию в рамках доклада Вольного исторического общества. 109 с.
18. Sacks O. Speak, Memory // The New York Review of Books. 2013. 60 (3). P 19-21.
19. Siebeck Cornelia. From Counter-Hegemonic Projects to State-Sponsored Institutions: Memorial Sites to the Nazi Crimes and The Politics of Memory in the Federal Republic of Germany. The Journal of Social Policy Studies. Vol. 14, № 2. P. 261-274.

Поступила в редакцию 09.10.17

V. Rubtsova

POLITICS OF MEMORY IN THE PRACTICE OF CONSTRUCTION OF LOCAL IDENTITIES

The article deals with history of the concepts "politics of memory" and "historical politics". The purpose of politics of memory is forming a collective identity and the purpose of historical politics is the legitimization of power. The politics of memory in this article unites both categories. This notion understood as the rational action of the institution of power in the historical sphere. On the one hand, this concept presented as a process of manipulating public opinion, carried out in order to legitimize the present power. On the other hand, this concept presented as a professional study carried out by historians.

Differences between history and memory, formulated in the theories of M. Halbwachs, P. Nora, and A. Assmann are shown. Memory is a representation of similarities, history is a representation of change. A secondary analysis of research data in the field of memory policy is offered, and the results of the author's sociological research are presented.

Keywords: politics of memory, historical politics, local identity, social memory, ideology, collective memory.

Рубцова Валентина Юрьевна, аспирант
 Институт философии и права УрО РАН
 620990, Россия, г. Екатеринбург,
 ул. Софьи Ковалевской, 16
 E-mail: povelitel.kotov@gmail.com

Rubtsova V.Yu., postgraduate student
 Institute of Philosophy and Law
 Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
 S. Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, Russia, 620990
 E-mail: povelitel.kotov@gmail.com